

ДЖОРДЖ
БЕЙКЕР

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ

ПЕРВЫЙ
ХРИСТИАНСКИЙ
ИМПЕРАТОР

С Е Н Т Р О Д Е Л А Р

Джордж Бейкер

**Константин Великий. Первый
христианский император**

«Центрполиграф»

Бейкер Д.

Константин Великий. Первый христианский император /
Д. Бейкер — «Центрполиграф»,

Джордж Бейкер предлагает увлекательную биографию римского императора Константина Великого, в личности и деяниях которого сфокусировались важнейшие достижения Древнего мира. Он обессмертил свое имя, сделав христианство основной религией Европы. Определил развитие западной цивилизации на последующие века. В книге ярко, живо и образно воссоздана сложная атмосфера эпохи реформ Константина Великого.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джордж Бейкер

Константин Великий. Первый христианский император

Предисловие

Почему личность Константина Великого представляет интерес для современного читателя? Причина заключается в том, что едва ли не все современные общественные институты в той или иной степени сформировались именно при нем. В его личности и деяниях сфокусировались все важнейшие достижения Древнего мира, и из этой точки свет их озаряет нашу историю. Без Константина американская конституция, парламент и события на площади Согласия были бы совсем другими.

Ореол святости, созданный благодарными почитателями императора вокруг его имени, возможно, и заслужен, но для нас, далеких потомков, важнее представить его себе как реальную личность. Он не был святым. Он был умным, сильным и решительным человеком, который, возможно, и не совершал чудес, но который редко ошибался. О единственной серьезной его ошибке рассказано в этой книге. Это была типично человеческая ошибка в том смысле, что, хотя мы не можем в достаточной степени оценить ее последствий, в любом случае от гибели Криспа более всего пострадал сам Константин.

Мы привыкли считать некоторые события в истории революционными. Большинство людей могут без труда перечислить их – это русская революция, Великая французская революция, английская революция 1688 года. Все эти исторические события имеют ряд общих черт – суть их состоит в насильственном свержении старой системы правления и установлении новой. Реформацию также можно назвать революцией; то же самое можно сказать о норманнском завоевании – однако они коренным образом отличаются от первых трех названных нами революций, и в поисках четких параллелей мы должны вернуться в глубь истории. История Рима знала три величайшие революции, имевшие огромное значение. Первая – это изгнание царей, вторая – революция Цезаря, в результате которой возникла империя, и третья – в ходе которой Константин сделал христианство основной религией Европы. Все эти революции зародились внутри государства. Все они стали победой определенных группировок. Все они изменили принципы управления.

В данной книге описана христианская революция, ее причины и по крайней мере некоторые ее результаты. Не все революции оказываются в равной степени успешными. Французская революция, хотя косвенно повлияла на многое, реально изменила принципы управления лишь в небольшой части Европы. Русская революция, по всей вероятности, в конечном итоге окажется еще более локальной в своем прямом влиянии. Но что касается революций Цезаря и Константина, то они во многом определили развитие всей западной цивилизации с древности до наших дней. Христианство завоевало мир не просто пением божественных псалмов и обращениями к небесам. Оно прибегло к некоторым дополнительным мерам. Если бы не Константин, оно могло бы остаться такой же неясной и малозначимой сектой, какой на Востоке является несторианство. Сделавшись ярым поборником церкви, Константин завоевал империю для себя и своих сыновей, а также обеспечил себе бессмертную славу и определил пути западного мира на века вперед.

Большинство людей не считают революцию желательным явлением, заслуживающим одобрения. Те, кто пытается осуществить ее, должны как-то оправдать свои действия; столь же веские обоснования нужны тем, кто успешно произвел революционный переворот. Христиане

утверждают, что была предпринята попытка искоренить их религию. Сегодня многие говорят о том, что христиан преследовали отнюдь не так жестоко, как считалось ранее: и действительно, имеются определенные доказательства подобной точки зрения. Вполне возможно, что в ранний период политика преследований проводилась не настолько сурово и последовательно. Но этого нельзя сказать о преследованиях христиан в 303—313 годах. Тогда была предпринята решительная попытка искоренить христианство – и, защищаясь, христиане прибегли к единственно возможному средству избежать печальной участи. Они устроили революцию и захватили власть, создав свое государство. Они сами это признают.

Если кто-то сомневается в том, что можно искоренить религию, пусть вспомнит примеры успешных кампаний такого рода. В Японии в XVI веке христианство было практически уничтожено. То же произошло во многих мусульманских странах. В Индии сходная участь постигла буддизм. Нет никаких оснований сомневаться, что при обычном ходе вещей усилия Галерия привели бы к большим успехам.

Если обратиться к ситуации в России, то в изучении истории Константина можно увидеть практический смысл. Русское правительство поставило перед собой еще более грандиозную задачу, чем Галерий. Оно поставило перед собой цель уничтожить не только христианство, но и всякую религию вообще. Программа, надо сказать, весьма интересная. Пока непонятно, удастся ли довести ее до логического завершения. В данной книге описывается сходная ситуация и ее итог, который состоит в том, что поставленная цель не была достигнута. В ней рассказывается о некоторых проблемах, возникавших по ходу дела, о неизбежных издержках, непредусмотренных препятствиях, незаметных ловушках и горьких разочарованиях. Помимо этого, в книге наглядно показано, какие именно факторы привели к победе христианства. Ни одна религия не может выжить, если она не продемонстрирует светским властям, каким образом она может обогатить страну и улучшить повседневную жизнь людей. Вероятно, ни одна религия не может существовать, не имея под собой некоего фундамента в виде судеб удивительных людей, чьи истории придают древним мученикам поразительную способность потрясать и облагораживать души.

Вторым деянием, которым Константин обессмертил свое имя, стало основание Константинополя. Хотя величие этого его достижения признается гораздо большим количеством людей, мы все же должны помнить, что Константинополь и христианство неразрывно связаны между собой. Этот город был оплотом христианства, ее боевым форпостом и цитаделью. Будучи вполне земным городом, Константинополь одновременно был Новым Иерусалимом, сошедшим с небес, подобно невесте, идущей навстречу своему суженому. Этот город устоял против персов, поклонявшихся огню, положил конец могуществу арабов, болгар и аваров. О него, как о несокрушимую скалу, разбивались все попытки поработить новую Европу, которая постепенно формировалась под его защитой. Константинополь повлиял на восточную цивилизацию не меньше, чем на западную. Если арабы в какой-то период времени имели самую развитую науку в мире, этим они обязаны Константинополю.

И еще одно: Константин, помимо всего вышесказанного, обеспечил себе бессмертие тем, что именно при нем сложилась та модель монархии, которая позже распространилась по всей Европе. Он связал разрозненные элементы в единое целое. Ему обязана своим существованием та форма правления, которая до гражданской войны в Англии тринадцатью столетиями позже главенствовала в Европе.

С меньшей уверенностью можно говорить о том, что Константин, как светский государственный деятель, создал благоприятные условия для развития общественных институтов и самих людей. Но если ему не удалось передать государству тот живительный импульс, который привел бы к возникновению новых общественных структур и подъему на новую ступень цивилизации, он сумел обеспечить его устойчивость и стабильность. Вряд ли какой-то другой человек, придя к власти в период смуты и крушения, сумел бы вновь собрать воедино распа-

давшиеся части на столь долгое время. Не стоит расценивать деяния Константина с высокомерием современного человека. Византийская империя, побочное его детище, стала кормилицей современной цивилизации. Без этой христианской Афины, прекрасной и покинутой, защитницы и создательницы цивилизации, мы бы, возможно, не существовали сейчас. У нас было бы меньше поводов для гордости и радости. Константин учит нас, как добиваться стабилизации. Если мы хотим знать, как сохранить цивилизацию в неприкосновенности и защитить ее от всех посягательств в течение одиннадцати веков, как сделать ее устойчивой, неизменной, нестигаемой и почти неразрушимой, не ведающей смерти – а если и погибающей, то с мечом в руке, – то тогда история Константина может многое поведать нам.

Глава 1

Первая смерть

После того как Нью-Йорк исчезает за линией горизонта, современный морской лайнер отправляется в девятидневное путешествие по океанским просторам. На девятый день он огибают мыс Клир и Кинсейл. Когда судно проходит через канал Святого Георгия, пассажиры лайнера видят на востоке Сноудон. После этого лайнер медленно входит в гавань Мерси, скользя между длинной темной чередой зданий на Чеширском побережье и доками Ливерпуля. От Ливерпуля путь лежит по железной дороге через равнины Ланкашира и холмы Южного Йоркшира, который все еще является средоточием кипучей человеческой деятельности. К концу дня на широкой равнине, окруженной невысокими холмами, вы увидите странный, очень древний город, несущий на себе зримую печать другого мира и другой эпохи – это украшенная зубцами круговая стена, огромный замок и собор. Город сверкает как самоцвет в лучах заходящего солнца. Над воротами все еще висят щиты с геральдическими символами – красным крестом на серебряном поле, эмблемой святого Георгия. Это – старый Йорк.

Этот город имел право на то, чтобы по его имени был назван великий отпрыск по ту сторону Атлантики. И люди, которые перенесли его имя за океан, сделали это не потому, что им стало лень придумывать другое название. Старый Йорк имеет богатую историю как военный, торговый и административный центр. Но его имя и слава стали продолжением славы еще более древнего знаменитого города, ранее стоявшего на его месте. Задолго до того, как были возведены эти стены и собор, здесь стояли другие стены, ныне обратившиеся в прах, и жил своей жизнью другой могущественный город, римский Йорк-Эборак, чьим потомком можно считать и Константинополь.

Эборак был построен в долине реки во времена властителей, которые всегда были примером для подражания для всех последующих правителей и государственных деятелей, – римских императоров Антония Пия и Марка Аврелия. Поначалу он был маленькой безвестной крепостью.

Когда Марк Аврелий, победив всех врагов внутри страны, навластвовавшись и написав свои книги, умер, Эборак был немногим больше, чем в самом начале. Давайте же посмотрим, какие события привели к тому, что эта крепость стала родиной основателя Константинополя, – события эти принесли Эбораку имя и славу.

Развитие человечества сравнимо с последовательностью действий и противодействий. Реакция, последовавшая за смертью Марка Аврелия, была по силе сравнима с его добродетелями. Его сын был самым неудачным из его деяний. Коммод – высокий, красивый, атлетически сложенный – ненавидел все, что любил его отец, и любил все, что его отец презирал. Он любил ярость диких зверей, силу людей, наготу женщин, запах крови. Он даже проявлял снисходительный интерес к христианству – вульгарной религии, которую его отец презирал. Можем ли мы упрекать его за это? Он получил такое суровое воспитание, последствия которого оказываются порой опаснее, чем отсутствие образования.

История Коммода – это один из самых примечательных скандалов древности. Мы, однако, поражаясь некоторыми сенсационными подробностями, можем задаться вопросом, не придало ли человеческое воображение излишней живописности этим историям. Слишком многие были заинтересованы в том, чтобы подмочить репутацию Коммода. Сын Марка Аврелия вовсе не являлся тем чудовищем, каким его изображали враги. В другое время он, возможно, стал бы известным деятелем, но, к сожалению, он имел несчастье жить в политической ситуации, которая оказалась пагубной и для его личности, и для его репутации.

Римские императоры от Нерона до Марка Аврелия получали власть и правили в результате некоего компромисса, достигнутого между армией и сенатом. Противоборство, которое велось с такой яростью во время правления Тиберия, несколько утихло, но не прекратилось. В правление Марка Аврелия компромисс дал трещину. С восшествием на трон Коммода перемирие закончилось. В жизнь вступило новое поколение, не помнившее о гражданских войнах во времена Гальбы, Оттона, Вителлия и Веспасиана и тех бедах, которые они с собой несли. Люди снова готовы были драться за свои притязания.

Коммод получил власть не в результате переворота, он правил по закону, как сын Марка Аврелия, с одобрения армии и сената. Но когда стало ясно, что у него вряд ли будет сын и что едва ли он сможет найти себе преемника, которого одобрит сенат, вопрос о престолонаследии вновь, впервые со времен Нерона, стал предметом интриг и соперничества. Задолго до смерти Коммода соперники приготовились начать драку при первой же удобной возможности.

Свергнуть Коммода было не так-то легко. Он пользовался популярностью среди простых людей, поскольку никогда не делал ничего, что могло бы оттолкнуть их. Он мог доказать людям свою силу – и даже был рад, когда представлялся случай это сделать. Не удалось найти ни одной женщины, которая предала бы его. В первые годы своего правления он не был тираном, трясущимся за свою жизнь. Беглый секретарь мятежного Овидия Кассия скрывался в течение многих лет, в итоге был пойман. Все обличающие документы оказались при нем, но молодой император проявил благородство, отказавшись продолжать расследование. Он сжег все бумаги, даже не прочитав их, к великой радости многих римлян... В ответ на это он получил удар ножом от человека, напавшего на него из-за угла с криком: «Это послание тебе от сената!» Покушение было неудачным, но оно привело в движение колеса войны и судьбы.

Расследование не обнаружило причастности к покушению кого-либо из сенаторов. Более того, было доказано, что нож в руки убийцы вложила сестра императора Лусилла. Однако Коммод не считал дело законченным. Непонятно было, чего хотела Лусилла, и Коммод решил докопаться до истины. За работу принялись доносчики, которые не появлялись на политической сцене со времен Домициана; а хронисты начали заносить в свои анналы обычные истории о том, как благородных сенаторов вдруг арестовывали и бросали в темницу жестокие клеветы молодого императора... Префект претории Перенний начал вытеснять сенаторов с военных постов. Однако сенат имел достаточно власти, чтобы добиться отставки и смерти не только Перенния, но и его преемника Клеандра. Затем была предпринята еще одна, причем весьма примечательная, попытка убить Коммода. Убийцы, люди, состоявшие на службе в рейнской армии, должны были тайно собраться в Риме во время праздника в честь Сивиллы Кумской... Однако этот план тоже не удался. В последний момент кто-то выдал заговорщиков. Но третья попытка оказалась успешной.

Коммод справедливо предполагал, что его противники попытаются действовать через ближайшее окружение, но не смог выяснить, через кого именно. Убийцами оказались любовница Коммода Марция, постельничий Эклекий и Леций, новый префект преторианцев. Они сделали все, чтобы у молодого, сильного императора не осталось ни шанса спастись.

Марция опоила его каким-то снадобьем, а затем его задушил профессиональный борец, специально нанятый для этой цели. Тело Коммода вынесли из дворца. Префект преторианцев, который, судя по всему, был главным в этом заговоре, доложил о содеянном сенатору Публию Гельвецию. Гельвеций сразу же созвал сенат и объявил о том, что армия предложила ему стать императором. Сенат с радостью утвердил его в новой должности.

Смерть Коммода – одно из поворотных событий в истории. Она запустила в ход последовательность действий и противодействий, которые, как мы увидим, в конечном итоге привели к остановке и крушению громоздкого механизма Римской империи. И совершенно очевидно, что за всем этим стоял сенат. Как писал император Юлиан, Гельвеций был соучастником убийства. И хотя Юлиана никак нельзя назвать беспристрастным историком, в данном случае ему можно

доверять. Убийство Коммода было, по сути, сенатским переворотом... По крайней мере, так полагала армия... Все попытки Публия Гельвеция снискать расположение подданных не дали результатов. 86 дней спустя он был убит одним из преторианцев.

Последующие события хорошо известны. У преторианцев не было ни программы, ни даже четкого плана действий, и поэтому они в конце концов выставили императорский трон на продажу и продали его весьма способному человеку по имени Дидий Юлиан. Рейнская, сирийская и иллирийская армии сразу же выступили на защиту империи. После небольших разногласий на трон был возведен командующий иллирийской армией Септимий Север.

Политическая ориентация Септимия Севера не вызывает ни малейших сомнений. Он был ставленником армии, военным императором, который пришел к власти, чтобы отомстить за убийство Коммода и вернуть военным право контролировать дела империи. Благодаря его личным действиям и в результате его политики как властителя последняя видимость компромисса между армией и сенатом исчезла¹. Стремясь получить больше, сенат лишился даже того, что имел.

Септимий Север был необычайно одаренным человеком, но допустил ряд просчетов, которые оказались роковыми. Он недостаточно продумал вопрос преемственности либо просто не успел решить эту проблему, а его сыновья оказались не на высоте. В результате сразу же после прихода их к власти государственная машина начала давать сбои. Так велико было почтение к Септимию – последнему императору раннего периода, – что одного его имени было достаточно, чтобы двое сирийских юношей, которые претендовали на престол в силу родства с кланом Севера, смогли несколько лет удерживать власть. Наконец этому пришел конец. Максимиан, солдат до мозга костей, сверг императора-стоика Александра Севера. При Максимиане борьба между сенатом и верховной властью достигла своего апогея. И перед тем как двигаться дальше, нам следует выяснить, в чем же была суть этой борьбы, из-за чего она возникла и кто стоял во главе противоборствующих сторон, поскольку все это чрезвычайно важно для понимания последующей истории.

Власть армии и власть сената зиждилась не на каких-либо теориях, а на услугах, которые обе стороны могли оказать государству. В различные периоды времени относительная ценность этих услуг оказывалась разной. Были периоды – как, например, после сражения при Магнезии в 192 году до н. э. или после смерти Домициана, – когда армия мало что могла дать обществу и поэтому во мнении людей занимала последнее по значимости место. В другие периоды армия становилась сердцем и душой Рима, защитницей тех даров, которыми римляне благодетельствовали человечество и хранительницу традиций. В зависимости от этого менялась и политическая ситуация.

Гораздо труднее было решать вопрос о том, кто главнее, в такие моменты, когда обе стороны могли предъявить серьезные доводы в пользу своего приоритета. Если бы оказалось возможным урегулировать вопрос таким образом, чтобы сенат и армия попеременно уступали друг другу власть, как это сейчас делается в правительствах, формируемых по партийному принципу, то они могли бы делать свое дело без ущерба для другой стороны и для государства.

Но в те времена это было невозможно. Римский мир должен был принять одну сторону и отвергнуть другую, причем сделать это со всей решительностью и определенностью, на которую был способен. При этом вряд ли определенность приносила кому-нибудь пользу – или едва ли кто-то всерьез ее желал.

Нет необходимости лишний раз повторять, что армия конечно же не могла властвовать, опираясь исключительно на силу оружия. В руках сенаторов были такие могучие рычаги управления, как рынок и торговля. Обе стороны должны были обращаться за поддержкой к обще-

¹ В «Истории Августов» говорится, что число сенаторов равнялось 41 – как в законах Суллы. Профессор Берри считает, что, скорее всего, их было 29.

ственному мнению. Таким образом, и сенат и армия могли добиться главенствующего положения, только продемонстрировав, какие выгоды получит от их правления общество... Что же это были за выгоды?

Они делились на две категории. Во-первых, экономическое благополучие и укрепление империи; во-вторых, защита империи от внешних врагов. Если последняя часть проявлялась более зримо и вызывала более широкий общественный резонанс, то первая группа имела то преимущество, что она касалась непосредственно жизни людей. Для римского обывателя Рейн и Дунай были столь же далекими, какими нам кажутся Янцзы или Ориноко. Кому какое дело до них? Однако всех волнует, насколько велик их доход, смогут ли они въехать в более просторный дом или купить более престижное место в театре. Экономическая выгода всегда на первом месте. Поэтому сенат не был столь уж беззащитен перед безжалостными ударами судьбы. Легионеру где-нибудь на Рейне сенат, вероятно, казался могущественной силой, распространяющей свою власть на весь мир.

Сенат был детищем той древней традиции, которая возникла еще во времена городов-государств: самостоятельных городов, жители которых занимались торговлей, ремеслом и сельским хозяйством и могли сами защитить себя. В этих городах возникли литература, искусство, право и философия. Короче говоря, сенат был детищем и воплощением цивилизации. К сожалению, цивилизация оказалась очень ненадежной вещью: полагаться на нее одну было нельзя. История городов-государств – это история медленного и поэтапного разоружения, ограничения и преследования более цивилизованных групп в интересах менее цивилизованных. Горожане постоянно рубили сук, на котором сами сидели. Это саморазрушение было отличительной чертой цивилизации.

До сих пор не удалось достичь сколь бы то ни было устойчивого равновесия. В какие-то краткие промежутки (такие, как, например, эпоха Перикла или годы, непосредственно предшествовавшие Пуническим войнам) государственным деятелям и торговцам, казалось, удавалось найти некую опору. Однако цивилизация быстро сворачивала с намеченного курса. В цивилизации есть что-то от женщины: вероятно, крайний эгоизм и непоследовательность, стремление бросить вызов здравому смыслу, обаяние и совершенство. Сулла усмирил некоторые ее порывы при помощи небольшого кровопускания, а Август – при помощи скальпеля. Гражданские войны цезарианской революции привели к экономическому краху многие богатейшие семьи, правившие в Риме, и экономическая власть оказалась вторичной по отношению к власти политической. Имперский период стал золотым веком для мелких ремесленников и крестьян. В результате бурного развития финансовой системы и торговли Рим превратился в государство процветающих городов и оживленных портов. Образование, философия и мораль сделали серьезный шаг вперед. Однако мелким ремесленникам и крестьянам доступны далеко не все формы деятельности. Некоторые предприятия требуют больших финансовых затрат и соответствующей материальной базы. А маленькие люди, честно получив свою прибыль от вложенного капитала, хотели хорошо поесть, выпить и повеселиться или в крайнем случае пойти послушать какого-нибудь философа. Да у них и не было простора для инициативы. Императоры делали все, чтобы их время стало веком скромных состояний и простых радостей. Не затевались никакие грандиозные проекты. Дни гигантов безвозвратно миновали.

Одним из самых очевидных законов человеческого бытия является необходимость создания резервов на случай чрезвычайных ситуаций. Эти резервы могут накапливаться разными способами. Они могут быть облачены в человеческую плоть и кровь и представлять собой умелых, обученных людей или иметь чисто материальную форму: храниться в виде золотых слитков или существовать в более эфемерной форме кредитов.

Однако римская цивилизация не создала никакой внятной системы накопления резервов. Римляне, первоначально не имевшие себе равных по силе духа, со временем уступили

первенство северным народам. Резервы в виде золотых слитков и кредитов также были не очень велики. Кризис разразился незадолго до смерти Марка Аврелия. Во время военных действий на Дунае и на Востоке стала очевидна недостаточность экономического потенциала мировой империи. Все ресурсы были уже задействованы. Невозможно было изыскать никаких дополнительных средств без урона для государства и общества... Императоры прибегли к старому, проверенному методу расширения сельскохозяйственной базы. Они поселили людей в новых землях. Однако что-то пошло не так, как задумывалось, поскольку через несколько лет земли так и остались заброшенными... Экономический подъем так и не начался. Мы все знаем, как поступает человек, когда его организм отказывается правильно работать. Он искусственно заставляет его делать это. Неудивительно, что императоры сделали то же самое. Они начали заставлять экономику развиваться. Во всяком случае, они ввели такие налоги, как если бы экономический подъем уже наступил по одному их приказу.

Любая экономическая система чутко реагирует на изменения в налогообложении. Римские ремесленники и землевладельцы были недовольны увеличением издержек. Перекалывание части этих расходов на плечи потребителей лишь частично решало эту проблему. Очевидно, все, что можно было предпринять в этом плане, давно уже было сделано. Дополнительное бремя просто оставило бы производителя без покупателя. Поскольку большинство жителей страны являлись одновременно и производителями и покупателями, люди в результате просто перекалывали бремя налогов друг на друга. Единственное, что оставалось, – это бороться с новой системой налогообложения.

Именно по этим причинам начиная с правления Марка Аврелия разгорелась борьба между носителями экономической и политической власти. Неспособность экономики к росту и все увеличивающееся бремя налогов усугубились во время правления Марка Аврелия в связи с еще одним обстоятельством. В империи свирепствовала эпидемия чумы, а мы знаем из последующей истории, насколько страшной и серьезной может быть такая эпидемия.

В притязаниях армии на власть имелись два аспекта: чисто военный и политический. Армия (а соответственно и империя) воплощала в себе демократические традиции Рима, отражавшие интересы римского крестьянства и мелких торговцев, требовавших от государства таких законов и такого управления, которые защищали бы маленького человека от сильных мира сего. Империя всегда придерживалась политики, направленной на сдерживание сильного. Любая политика проводится в ограниченных пределах – эти ограничения налагаются не только желанием и благоразумием, но и реальными возможностями властей. Тем не менее в истории Рима мы видим, что императоры и их чиновники всегда поддерживали маленького человека и взамен получали от него поддержку, на которой и держалось императорское правление.

Претензии на власть, основанные на поддержке со стороны народа, подкреплялись время от времени демонстрациями военной мощи. Август и Тиберий расширили границы империи до Рейна. Траян и Адриан перенесли границу на Дунай и обеспечили безопасность Римского государства, отразив нашествия северных племен. Однако как раз тогда, когда был убит Коммод, у власти находился Септимий Север, а Максимиан только поднимался к вершинам власти, начали происходить события, на фоне которых войны Тиберия и Траяна казались мелкими стычками... Массовые миграции из Азии, которые продолжались с подъемами и спадами вот уже несколько лет, достигли очередного пика.

Образованные римляне (как и все остальные) не были к этому готовы. Они ничего не знали о том, что миграция усиливается через равные промежутки времени; и не предполагали, что мигрантов будет так много. Знакомый римлянам отрезок истории охватывал лишь период от скифских и киммерийских войн до маркоманской войны Марка Аврелия. Они бы весьма удивились, если бы кому-то пришлось в голову проводить параллели между легендами о кентаврах и военной ситуацией на Дунае. Они вряд ли поверили бы в теорию о периодичности миграции населения из азиатских регионов. Тем не менее эта теория является верной. Рим-

ляне в тот момент ощутили лишь легкое дуновение ветра, который в дальнейшем перерос в настоящий ураган. Перед лицом этой новой угрозы император должен был сконцентрировать все силы страны в своих руках и повести решительные действия. Ему понадобилось сделать то, что столетия спустя сделали император Карл Великий и немецкий король Генрих Птицелов. Однако императору это не удалось. В его распоряжении не было ни соответствующей организационной структуры, ни денег, и он не знал, где взять то и другое.

Даже не представляя в полной мере грозящей опасности, римские военачальники интуитивно поняли, что необходимы решительные действия. Они потребовали провести реорганизацию армии и обновить старую военную машину, которая была создана для решения совсем других задач. Возможно, им не всегда удавалось беспрепятственно проводить свои планы в жизнь, поскольку они наталкивались на скептическое отношение людей, еще меньше, чем они, сознававших угрозу. Однако в этот момент политический авторитет армии сыграл свою роль. Военачальники могли склонить общественное мнение на свою сторону, используя пусть и не относящийся к делу лозунг. Проще говоря, это означало смерть Александра Севера, поскольку, пока он был жив, не приходилось рассчитывать на осуществление всех необходимых мер.

Молодой Александр являет собой замечательный образец «пряничного» римского императора. Он был типичным порождением определенной прослойки римского среднего класса, которая ставила своей целью создание совершенного человека. Воспитанный целеустремленной, решительной матерью и августейшей теткой, он был начисто лишен каких бы то ни было пороков и обладал всеми достоинствами, которыми должен обладать благородный человек. В его личной часовне стояла фигурка Авраама, а рядом с ней – Аполлона. Он искренне верил во все и вся. Личность Александра может послужить наглядным опровержением типичного заблуждения, заключающегося в том, что мягкость характера является первой добродетелью. Александра искренно ненавидели многие, и мало кто сожалел о его гибели.

В характере нового императора Максимиана было куда больше не слишком привлекательных черт; чем-то он напоминал прусского солдафона. Когда он повелел сенату самораспуститься, сенаторы поспешили выполнить его приказ. Тех же, кто замешкался, ждал печальный и очень скорый конец. Неудивительно, что те, кто сумел уцелеть, всегда описывали Максимиана в самых мрачных тонах. Однако при этом он не запятнал себя никакими недостойными поступками, а иногда мог проявить снисходительность. Можно сказать, что он был солдатом в традициях Гая Мария, с теми же твердыми демократическими убеждениями и грандиозными военными амбициями. Он, ни много ни мало, мечтал о завоевании германских земель до самого побережья Балтийского моря. При нем была начата столь необходимая военная реформа.

Попытка покушения на Максимиана окончилась полным крахом. Ответный удар сената был нанесен с очень удобной позиции – из Африки, провинции, которой угрожало вторжение извне. Гордии, поднявшие бунт, выросли в тепличных условиях римской провинции: они были сентиментальными домоседами, любившими покой и уют², и представляли собой полную противоположность Максимиану... От изнеженных мужчин, вроде Гордиев, толку меньше, чем от эмансипированной женщины, которая и Самсона может заставить поступать по ее воле. Местный африканский гарнизон подавил восстание Гордиев, а сенаторы, толкнувшие их на подобный шаг, уронили слезу сожаления о печальной участи 22 вдов и 66 детей младшего Гордия, которые потеряли своего кормильца.³

Сразу же после гибели Гордиев сенаторы провозгласили императорами двух людей, которые, хотя и носили этот титул, по своим воззрениям были ближе к республиканским консулам.

² Старший Гордий воспел эпоху правления Антонинов в поэме, состоящей из 30 книг. К счастью, она не сохранилась.

³ В своей книге «Общественная и экономическая история Римской империи» Ростовцев доказывает, что восстание Гордиев было инспирировано кучкой богатых людей.

Избрание Балбиния и Папиниана было не таким уж плохим шагом, но оно разбудило среди населения Рима определенные воспоминания. Если республике суждено было воскреснуть, то в этом необходимо было идти до самого конца. Народ начал претендовать на участие в выборах и настаивал на избрании племянника младшего Гордия цезарем.

Никто из двух императоров не признал соправителем младшего Гордия, и было непонятно, какой властью и каким статусом (если они вообще были) в данных обстоятельствах обладал цезарь. Решение этой проблемы пришлось, однако, отложить, поскольку против бунтовщиков выступил Максимиан. Но он слишком рано начал осаду Аквилеи, и боевой дух его войска был подорван из-за постоянной непогоды. До сих пор не ясно, был ли Максимиан убит своими же людьми, или он покончил с собой. Так или иначе, но он погиб.

В армии Максимиана, оставшейся без предводителя, не нашлось достойного его преемника, и она сдалась на милость победителей. Сенат торжествовал победу. Казалось, история пошла вспять. Была восстановлена республика; действуй сенаторы более разумно, и прошлое могло бы возвратиться. Однако ненужная поспешность испортила все. Сокращение налогов было осуществлено без учета целей, которые в свое время преследовало увеличение налогового бремени; затем республиканцы пошли дальше и законодательно ограничили власть армии. Тем самым они сильно превысили полномочия сената. Что еще хуже, отдельные сенаторы, которым победа придала излишнюю самоуверенность, начали борьбу с преторианцами.

Гладиаторы и борцы сенатской партии окружили лагерь преторианцев, разрушили водопровод и напали на гарнизон. Воины-профессионалы стойко держали оборону в своем укрепленном лагере... После долгих и отчаянных схваток усилиями Балбиния был заключен мир. Однако он оказался непрочным. После того как армия Максимиана вернулась в Рим, в городе сложилась сильная военная оппозиция. Преторианцы поняли, что у них есть сторонники, и перешли к действиям. Балбиний и Папиниан были убиты, и сенатская контрреволюция завершилась.

Поражение сенаторов не дало армии ни новой политики, ни нового лидера. Преторианцы посадили на пустующий трон младшего Гордия, который до этого продержался у власти несколько лет, а затем отдали власть Филипу, герою персидских войн. Однако вояка с персидской границы был совсем не тем человеком, который требовался империи. Филипа сменил на троне Деций, иллириец по происхождению, выдвигенец иллирийской армии. Однако к этому времени разногласия между сенатом и армией зашли так далеко и принесли столько бед, что само существование империи оказалось под угрозой. Натиск варваров становился все сильнее. Их набеги разоряли одну из самых богатых и процветающих провинций, и над империей нависла угроза оказаться разделенной на две части. В этих условиях избрание Деция стало «шагом вправо».

Он был настроен на решительные преобразования. Деций возродил цензуру, разрешил или, вернее, повелел сенату избрать приемлемого для себя цензора и собирался кардинально реформировать систему налогообложения и управления. Время для этого давно настало. Нам неизвестно, что он мог бы совершить, поскольку он вошел в историю не только как первый император, которому пришлось отступить перед варварами, но и как первый император, павший в сражении с ними. Он погиб в битве, а тело его так и не нашли. Его преемник Галлий был ставленником сената; и неудивительно (хотя, возможно, и печально), что Галлий заключил с варварами мир, оставив им все награбленное и всех пленных, кормил их, пока шли переговоры, а после заключения соглашения ежегодно выплачивал им контрибуцию. Поскольку варвары не соблюдали условий мирного договора, такой мир не принес римлянам ровным счетом ничего... После этого всю ответственность за происходящее, а заодно и пурпурную мантию императора принял на себя ненавидимый всеми губернатор Панноний. Он выгнал варваров из придунайских провинций и разделил деньги, предназначенные для выплаты контрибуций, между своими сторонниками. Галлий погиб в битве при Сполето, Панноний был свергнут Валерианом,

цензором, избранником сената. Печальная слава Валериана превосходит даже славу Деция. Ставленник сената стал первым и единственным римским императором, который живым оказался в руках врагов. Он попал в плен к персам в 260 году.

Правление Валериана было низшей точкой падения Римской империи.

Несмотря на все преследовавшие его несчастья, Валериан не был ни дураком, ни бездельником. Если бы ему довелось умереть раньше, чем он стал императором, он бы вошел в историю как государственный деятель, сделавший, благодаря своим талантам, блестящую карьеру. Его сын Галлиен, которого он считал своим соправителем, обладал еще большими способностями. Он соединял в себе некоторые черты, которые отличали впоследствии Франциска I: был солдатом, циником, поэтом, оратором, садоводом, поваром, антикваром и притом мог получать наслаждение от бесед с философом Плотинем – мало кто из нас может похвастаться такой разносторонностью. Отец и сын были ничуть не хуже всех тех, кто когда-либо занимал трон императора. Однако против несчастий, обрушившихся на Рим, бессильны оказались и эти замечательные человеческие качества. Валериан не пробыл на троне и трех лет, когда варвары захватили Дакию, лежавшую к северу от Дуная, и земли, завоеванные Траяном, перестали значиться на картах Римской империи. Через год франки начали наступление на границе, проходившей вдоль Рейна⁴. Галл иен взял на себя командование рейнской армией; помощником его был человек выдающихся способностей – Постум. В том же году алеманны, чьими предками были свевы, начали наступление на восток в верхнем течении Дуная, а персы пришли в Антиохию... Персам пришлось отступить, но они впоследствии вернулись; однако история франков оказалась гораздо сложнее. Они не могли прорваться через оборонительные заслоны, созданные Постумом по Рейну. Лишенные, таким образом, возможности вернуться домой, они двинулись на юг и захватили одну из богатейших и красивейших стран мира. Придя в Испанию, они с боями продвинулись от Пиренеев до Сеуты, а затем, погрузившись на корабли, продолжили свое «благородное» занятие в Африке... Кстати, они подорвали испанскую торговлю оловом, в результате чего были открыты корнуэльские оловянные копи, что способствовало росту благосостояния Британии... Так продолжалось 12 лет; однако истории об их триумфе не дошли до нас, потому что никто из них не вернулся домой живым. Среди «разбойничьих рассказов» эта легенда о первых франках может занять почетное место.

В самый разгар анархии, охватившей Римскую империю, Валериан и Галлиен проявляли удивительное мужество, пытаясь восстановить порядок в стране. Мало кому из людей приходилось сталкиваться с более безнадежной задачей. Валериан принялся за дело на Востоке, попытавшись отразить угрозу, исходившую от персов. Резиденция Галлиена находилась в верховьях Дуная, откуда он мог контролировать ситуацию на северных границах. Однако эта оборонительная схема рухнула, когда Постум решил взять в свои руки власть в западных провинциях. Постум стал императором в Треве и в течение нескольких лет правил Британией, Галлией и Испанией. В это же самое время некто Ингин объявил себя независимым правителем земель в нижнем течении Дуная – и под властью Галлиена остались лишь Италия, Африка и Греция. Одним из результатов этих событий стало то, что Британия, Галлия и Испания оказались надежно защищены. Постум был достойным правителем и хорошо управлял своими владениями.

Веселый цинизм Галлиена, без сомнения, сыграл ему на руку, когда вокруг него начал рушиться мир. Позиции Постума и Ингина были поначалу весьма шаткими, но они сумели удержать их; однако в результате весь натиск захватчиков обратился на Галлиена. Алеманны всей мощью обрушились на него. Вместе со своей итальянской армией он отступил через Альпы в Италию, по возможности нанося врагу ответные удары. Галл иен дошел почти до

⁴ Именно в этой войне 256 года франки впервые появились на исторической арене. Они активно действовали на ней около 600 лет, после чего исчезли так же внезапно, как и появились.

ворот Рима, и тут настал его час: он развернул свои войска, дал бой на Марне под Миланом и отбросил захватчиков за Дунай. Он не утратил оптимизма, даже когда до него дошли вести, что его отец попал в плен к персам. Позже многие его проклинали за подобное благодушие.

Кто станет винить этих обвинителей? Все предыдущие несчастья оказались лишь детской шалостью по сравнению с тем, что еще предстояло пережить. Небесный судия излил свой гнев на римлян. За потерей западных провинций, восстанием Иллирии, разграблением Северной Италии последовали волнения на Сицилии, подобие гражданской войны в Александрии и бунты в Малой Азии. Потомки простили бы Галлиена, если бы он утопился в Тибре. Но они не простили ему того, что в отчаянной ситуации он предпочел потребовать себе еще вина и продолжать сражаться. Персы, пленив Валериана, дошли до Цезарии и отступили только потому, что эта земля им не приглянулась. Однако самое страшное – нашествие готов – было еще впереди.

Постум защищал рейнские границы не с большим успехом, чем Ингин оборонял Дунай; однако, если действия Постума влияли только на ситуацию в его собственных владениях, действия Ингина имели далеко идущие последствия. С Дуная готы двинулись дальше на восток и заняли Таврию – теперешний Крым. У них были и корабли и моряки, а также, судя по всему, достоверные сведения о географии окрестных земель. Разграбив богатый азиатский город Трапезунд, готы решили опробовать водные пути, ведущие в Средиземное море.

Достигнутые успехи раззадорили их, и на следующий год они вернулись в те же места с еще большими силами. Даже потерпев поражение на море от местных жителей, готы не остановились и едва не захватили Фессалоники. Галлиен отдал поспешный приказ о незамедлительном восстановлении всех древних фортификационных сооружений в Греции, которые за несколько веков практически исчезли с лица земли. Однако до того, как этот приказ был выполнен, готы успели занять почти весь полуостров.

В Афинах на них неожиданно напало греческое войско. Клавдий, впоследствии ставший императором, начал наступление и преградил путь нескольким отрядам, которые пытались перейти через Дунай и вернуться домой. Затем подошел и сам Галлиен со своим войском. Забрав с собой все, что только было можно, из награбленного, готы на кораблях вернулись туда, откуда начали свой поход.

Теперь в Римской империи не осталось ни одного уголка, самого отдаленного и, казалось бы, безопасного, который не познал бы на себе всю силу варварского натиска. Нашествие готов на Грецию явилось завершающим штрихом этой ужасной картины... Страны столь же мирные и не привыкшие к насилию, как ныне наши родные земли, подверглись нашествиям франков, алеманнов, готов и персов или были раздираемы внутренними распрями, не менее ожесточенными. Казалось, близится конец света. Ужасающие предсказания грозили людям еще большими бедами. Начался голод, а с голодом пришли и болезни... Материальный ущерб был огромен; однако куда более серьезный удар был нанесен моральному духу людей и их вере в правителей – двум факторам, на которых, собственно, и держалась экономика. Рухнула денежная единица Римской империи, как это было с германской маркой и с русским рублем⁵. Почти в одночасье, с пугающей внезапностью цивилизованный мир погрузился во мрак почти забытого варварства.

Если у этого веселого циника не было других добродетелей, он, по крайней мере, умел не впадать в отчаяние. Когда дела складывались совсем плохо, он вел себя так, словно все было в полном порядке. Он не уступил ни йоты из своих прав императора. Когда, после 15 лет беспрестанных сражений и интриг, этот величайший оптимист в истории человечества пал

⁵ Стоимость динара снизилась на две трети. Иногда он падал и еще ниже. Даже в эпоху Диоклетиана египетская пшеница стоила на 15 000% дороже своей обычной цены. Конечно, это было временное и чрезвычайное явление.

под Миланом от стрелы, выпущенной неведомой рукой, он перед смертью успел назвать своим преемником Аврелия Клавдия.

Какие бы тайные махинации ни скрывались за провозглашением Клавдия императором, это был поворотный момент. Клавдий не был выдающимся человеком; очень сомнительно, что его можно назвать даже просто умным. Он не отличался особыми личными достоинствами, но обладал основным необходимым качеством – он умел мыслить как император. Некое необъяснимое и неопределенное сочетание различных черт заставляло всех остальных людей действовать заодно с ним.

Галлиен, сын ставленника сената, под давлением обстоятельств был в конечном итоге вынужден занять антисенаторскую позицию. Он сделал целью своей жизни защиту империи и сохранение ее единства и тем самым стал на сторону армии. В его правление давнее противостояние между армией и сенатом вылилось в полное устранение сенаторов от военных дел. Галлиен превратил армию в еще более изолированное и привилегированное сообщество, чем она была раньше. Это стало одной из причин открытого неприятия его сенатом... Несчастья, которые преследовали Рим в его времена, вряд ли были следствием его ошибок. Для того чтобы защитить империю от внешней угрозы и от внутреннего распада, требовалось нечто большее, чем деятельность и способности одного человека. Требовались новые структуры и новая политика, соответствующие изменившимся условиям, и одной человеческой жизни здесь оказалось недостаточно. Нужны были деньги, и безотлагательно. Приход к власти Клавдия вполне устроил сенат, который выразил удовлетворение его мужеством и решительностью.

Короткий период правления Клавдия был наполнен событиями достойными такого человека. Именно он сумел разбить союз северных племен, который нанес объединенными силами удар по границам Римской империи в год вступления Клавдия на престол. У озера Гарда он разбил алеманнов и их союзников, а затем двинулся в Иллирию и изгнал с полуострова готов. Клавдий умер от чумы, которая свирепствовала в разоренной и голодающей империи. Перед смертью он назвал своим преемником Домиция Аврелиана, которого армия послушно поставила во главе империи. Сенат, поначалу поддерживавший его соперника, брата Клавдия, поспешил подчиниться.

Аврелиан был родом из крестьян и к тому же иллирийцем. Клавдий управлял империей всего два года, а Аврелиан – четыре года и восемь месяцев, и каждая неделя его правления была наполнена важнейшими событиями. За это короткое время он наголову разбил алеманнов, навел порядок на северных границах, вернул потерянные земли на востоке, подавил волнения в Египте, победил галлов и внешне вернул империю в ее нормальное состояние. Аврелиан был жестким человеком, не признающим никаких доводов, кроме необходимости; его слово становилось законом. Он, возможно, прожил бы много лет, если бы не напугал нечестного на руку помощника. В результате в 275 году под Византием он был убит.

Практически сразу все признали, что убийство Аврелиана было ошибкой. Его убийцы принесли извинения и объяснили, что их ввели в заблуждение. В результате у армии не оказалось готового кандидата на место императора. Последовало шестимесячное безвластие, в течение которого армия и сенат пристально наблюдали друг за другом.

Аврелиан вызывал у сената самые неприятные чувства, поскольку практически все время своего правления был с ним на ножах. Он был слишком явно ставленником армии. Однако теперь ситуация изменилась. После вежливой просьбы военных выбрать приемлемого кандидата на императорский трон сенат никак не мог определиться в своем решении. Никто особенно не жаждал власти. Ни один сенатор, охваченный пророческим жаром, не выказывал желания послужить своей стране. И это было странно. Привычка военных убивать своих ставленников, по крайней мере, свидетельствовала об интересе к политике... Наконец сенат остановил свой выбор на Клавдии Таците, немоощном семидесятипятилетнем старце... Шести месяцев войны в Малой Азии оказалось для него более чем достаточно. Он умер в Тиане от

постоянных тревог и непосильной работы. Его брат Флориан объявил себя императором в обход всех правил. Очевидно, сенат мало что мог сказать по этому поводу, однако военные обратились с отчаянной просьбой к Пробу, популярному военачальнику, который незамедлительно откликнулся на их призыв. По прибытии он обнаружил, что армия уже расправилась с Флорианом и готова возложить корону ему (Пробу) на голову.

Проб, как и Аврелиан, был иллирийцем и реалистом. Он не очень-то горел желанием стать императором. Жизнь и без того в достаточной мере была благосклонна к нему; а титул императора принес ему только больше трудов и ответственности – но не удовольствий. Однако он принял возложенную на него почетную миссию. Он занял уважительную позицию по отношению к сенату, а сенаторов вполне устраивало, что кто-то согласился взять на себя всю работу и оставить сенату все привилегии.

Правление и смерть Проба очень напоминали правление и смерть Аврелиана. Подобно Аврелиану, он неустанно трудился, разъезжая по всей империи. Как и Аврелиан, он добивался успеха во всех своих начинаниях. Самая большая заслуга Проба перед будущим, однако, лежит не в военной или административной сфере. Уже после своей смерти он продолжал править Римом в лице людей, которых он первым направил на путь успеха. Мы скоро узнаем об этих людях – Каре, Диоклетиане, Максимиане, Константине и Галерии... Они составляли уникальный генеральный штаб, созданный Пробом.

Он и умер, как Аврелиан. Он слишком любил дисциплину и порядок и был убит в результате стихийно сложившегося заговора. Заговорщики сразу же выразили сожаление о содеянном.

В этот момент на сцене появилась новая, очень примечательная фигура. Это был сухопарый, мрачный, небрежно одетый, лысоватый человек, который без должного трепета известил сенат о том, что его избрали императором, и о том, что ему абсолютно все равно, что сенат думает по этому поводу. Он мало говорил и еще меньше делал. Однако своими действиями Кар наглядно продемонстрировал, что в среде наиболее образованных военных зреют новые идеи. Он провозгласил цезарями двух своих сыновей. В руки старшего, Карина, он отдал управление западными провинциями империи. Младший, Нумериан, отправился с отцом на восток. Очевидно, Кар собирался – хотя его замысел так и остался неосуществленным – поставить одного императора над западными провинциями и второго – над восточными. При этом окончательное слово должно было принадлежать ему самому. Если бы он прожил подольше, возможно, ему удалось бы разрешить щекотливый вопрос о престолонаследии – и много других проблем. Такая необходимость давно назрела.

Правление Кара, хоть и успешное, было недолгим. Он умер в разгар своей восточной кампании, и оказалось, что на его трон претендуют сразу два человека – Карин и Нумериан. Не стоит даже гадать, как они решили бы между собой вопрос об управлении империей, поскольку их смел с дороги более сильный соперник.

Когда армия двинулась из Персии на родину, среди военных начали ходить разные слухи. Наконец все узнали правду. Нумериан был мертв, а префект преторианцев Аррий Априус уже в течение некоторого времени издавал указы от его имени. Априус призывали к суду, обвинили в убийстве Нумериана и казнили, не дав ему возможности оправдаться.

Обвинителем и палачом был Диоклетиан.

Глава 2

Диоклетиан

Однако кто такой был этот самый Диоклетиан? Трудно поверить, что он случайно под-
вернулся под руку, не будучи никак связан со всем, что происходило раньше. Он появился
на сцене, как появляется в театре ведущий актер, исполнитель главной роли. После того как
второстепенные персонажи сделали свое дело и отбарабанили свои короткие роли, на сцену
выходит человек, чьи горячие, искренние речи заставляют всех осознать, кто здесь главный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.